

ЛАЙОНЕЛ
ДАМЕР

КАК
ВОСПИТАТЬ
МОНСТРА
ИСПОВЕДЬ ОТЦА
СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Дамер Лайонел

**Как воспитать монстра.
Исповедь отца серийного убийцы**

«Алисторус»

1994

УДК 82-311.9
ББК 84 (2Рос=Рус)

Лайонел Д.

Как воспитать монстра. Исповедь отца серийного убийцы /
Д. Лайонел — «Алисторус», 1994 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00180-894-7

Эта история ужаснула мир летом 1991 года, когда в ничем не примечательной квартирке в американском городе Милуоки полиция обнаружила коллекцию черепов, очищенный скелет, другие части тел полутора десятков человек убитых, изнасилованных и частично съеденных хозяином квартиры - 31-летним Джеффри Дамером. Дальнейшее расследование только добавляло жутких деталей - сатанинский алтарь, попытки превратить жертв в зомби... Но в чем причины того, что простой работник кондитерской оказался монстром? Зачастую корни поведения серийных убийц остаются скрыты в глубинах их извращенного сознания. Но в случае с Джеффри Дамером есть свидетель. Его отец, Лайонел Дамер, добропорядочный ученый-химик, выступил со своей собственной историей, описывающей жизнь маньяка с самого рождения. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-311.9
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00180-894-7

© Лайонел Д., 1994
© Алисторус, 1994

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	9
Часть I	12
Глава 1	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лайонел Дамер
Как воспитать монстра
Исповедь отца серийного убийцы

© Дамер Л., 2023

© Мзареулов В.К., переводчик, 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Предисловие

Ночью 22 июля 1991 года двое полицейских Третьего полицейского округа Милуоки сидели в своей патрульной машине в одном из самых неблагополучных районов города. Внезапно к ним подошел тридцатидвухлетний Трейси Эдвардс, на левом запястье которого болталась пара наручников. Он сбивчиво рассказал патрульным, что молодой белый мужчина завел его в соседнюю квартиру и попытался надеть на него наручники.

Полицейские скептически отнеслись к рассказу Эдвардса, но все же сочли своей обязанностью сопроводить его в квартиру, где предположительно произошел инцидент. Оказавшись там, они нашли кроткого молодого человека, который представился как Джеффри Дамер.

Поначалу Дамер спокойно разговаривал со стражами порядка. Когда один из них попросил ключ от наручников, которые все еще висели на запястьях Трейси Эдвардса, он встал и направился в соседнюю спальню, чтобы забрать его.

В этот момент Эдвардс, будто очнувшись, воскликнул, что в спальне есть нож. Полицейские приказали Дамеру вернуться на место, а один из офицеров вместо этого направился в спальню.

Зрелище, открывшееся офицеру в спальне дало старт расследованию дела, которое в конечном итоге получило международную известность. В открытом ящике комода беспорядочно лежали полароидные фотографии молодых людей на разных стадиях расчленения. Позднее расследование обнаружило части человеческого тела в холодильнике, полный человеческий скелет, висящий в шкафу, стеклянные банки с мужскими гениталиями, залитые формальдегидом, и множество других емкостей для остатков разлагающихся костей и внутренностей... мрачную коллекцию Джеффри Дамера.

В течение нескольких дней новости о зверствах, совершенных Дамером в квартире 213 облетели полмира. Рассказывали, что он выбирал большинство своих жертв из числа беднейших слоев населения, зачастую цветных. Он намечал добычу в торговых центрах и на автобусных станциях, в банях и магазинах порнографических книг, прекрасно понимая, что они принадлежат к отчаявшемуся низшему классу уличных мошенников и бывших заключенных, которые всегда были в поисках быстрого заработка. В некотором роде он хотел секса и обещал за него деньги. Впоследствии он описывал жизнь, которую проводил в «голубых» притонах Милуоки, но рассказывая о куче своих партнеров, не было ни малейшего намека на то, что он испытывал личную привязанность. Потребность в любви вполне могла в нем существовать, но способность к этому, даже самое элементарное представление о том, как ее достичь и поддерживать, похоже, отсутствовали. Вместо этого Дамер стремился только «играть на поле», как он позже сказал одному из своих психиатров, удовлетворяясь отношениями, которые были, по его собственным словам, «поверхностными», то есть чисто сексуальными, лишенными более сложных потребностей или удовлетворения.

Что касается мужчин, к которым он испытывал влечение, то единственным вопросом к Джеффри Дамеру, как он позже заявил в связи со своей первой жертвой, было просто: «Как мне заполучить этого парня?»

Ответом обычно были деньги, хотя он предлагал своим потенциальным жертвам относительно немного, всего пятьдесят долларов за то, чтобы они сопроводили его до квартиры и посмотрели видео по маленькому телевизору, который он установил для этой цели. Но нельзя было ожидать, что деньги, особенно такие небольшие, обеспечат чье-либо физическое присутствие надолго. И вот, после первого контакта, вопрос Дамера приобрел более зловещий характер: «Как мне удержать этого парня?»

Ответом, конечно же, было убийство и расчленение. По банальному сценарию, повторяющемуся раз за разом, Дамер заманивал своих жертв к себе в квартиру, накачивал нарко-

тиками и душил. И тогда наступал черед неопишуемых зверств, на которых предсказуемо и сосредоточилась пресса.

Предсказуемо – потому что Джефффри Дамер не был обычным серийным убийцей. Его преступления вышли за пределы человеческого воображения. Он практиковал некрофилию и даже каннибализм. Он убивал неоднократно, по меньшей мере семнадцать раз. Ближе к концу интервалы между убийствами радикально сократились, и он начал убивать с бешеной ненасытностью. За короткие пятнадцать дней, предшествовавших его аресту, он убил не менее трех молодых людей.

Судебный процесс над Джефффри Дамером начался в январе 1992 года. С того времени и до тех пор, пока несколько недель спустя он не был приговорен к девятьсот пятидесяти семи годам тюремного заключения, ужасная история его преступлений разворачивалась день за днем, каждая отвратительная деталь была полностью изучена, каждое извращение перечислено, каждое расчленение занесено в каталог. Там были фотографии и диаграммы, показания судмедэкспертов и психиатров, и все это было представлено в самых мучительных деталях.

Когда преступления, фантазии и тайные сексуальные практики Дамера были раскрыты, стало ясно, что, несмотря на множество других отклоняющихся форм поведения, он не достиг какой-либо формы сексуального возбуждения, причиняя боль тем, кого он убил. Не страдания его жертв приводили Дамера в восторг и возбуждали его. Эмоции в нем порождали только убийство и расчленение.

Перед вынесением приговора Дамер обратился к судье и семьями своих жертв. Он попросил не щадить его и сказал, что предпочел предстать перед судом, а не признать себя виновным, потому что «хотел выяснить, что именно заставило меня быть таким плохим и злым».

Судебный процесс, конечно, не дал такого поразительного освещения трагических побуждений, которые породили преступления Дамера.

Так кто же такой Джефффри Дамер? Мы должны сразу признать, что никто никогда не узнает, что Джефффри Дамер – загадка даже для него самого. Поскольку самые мрачные преступления происходят от самых темных сердец, ни одна книга не может претендовать на окончательное решение загадки преступника или его деяний.

Соответственно, в случае с Джефффри Дамером такого заявления сделано не было. На самом деле это история вовсе не Джефффри Дамера, а отца, который медленно, постепенно пришел к осознанию самой печальной истины, которую когда-либо мог знать любой родитель: в результате какого-то непостижимого процесса его ребенок где-то пересек ту черту, которая отделяет человеческое от чудовищного.

Смерть ребенка наполняет родителя неизмеримым горем. Но Лайонел Дамер столкнулся не со смертью сына. Это была смерть чужих сыновей от рук того ребенка, чье рождение лишило его света, чьи фотографии заполнили семейный альбом, чье лицо носило черты его собственного.

Для большинства из нас жизнь движется вперед через узнаваемый пейзаж радости и горя, успеха и неудачи. Мы существуем в рамках обычного. У нас бывают хорошие и плохие дни. Некоторые вещи мы делаем хорошо, другие – плохо. Мы принимаем и дарим другим удовольствие, так же как принимаем и дарим огорчение. Нам никогда не приходится сталкиваться лицом к лицу с поистине чудовищным, а тем более видеть его в лице того, кого мы привели в мир, воспитали до зрелости, стремились, какими бы ошибочными они ни были, помогать и утешать, учить и направлять. Мы видим чудовищное на зернистых фотографиях бульварных газет и бульварных журналов. Но эти лица остаются далекими, чужими, успокаивающе далекими. Это не лица наших сыновей и дочерей.

Это то, что отличает Лайонела Дамера от всех нас, и это разделение является основой его опыта. Это также является его законным притязанием на наше внимание, а также его правом говорить и заставлять нас слушать.

О книге, которую вы собираетесь прочесть, пресса начала писать, едва пошли слухи о ее выходе. Еще до того, как Лайонел Дамер написал первое слово, раздавались голоса протестов. Первые слова были напечатаны, раздались голоса против этого. Говорили, что он «монетизировал» преступления своего сына, что он надеялся извлечь из них выгоду. Выдержки из заявки на книгу, обошедшей все крупнейшие издательства, были напечатаны и высмеяны как непристойная попытка нажиться на позорных деяниях, совершенных его сыном. Это обвинение, которое г-н Дамер решительно опроверг, и за то время, что я работал с ним над этой книгой, я не видел никаких намеков на то, что целью этой исповеди – иначе эту книгу не назвать – были деньги. Вместо этого я видел, как отец пытался примириться как с ужасными поступками своего сына, так и со своими собственными поступками как отца. Я видел, как он сталкивался с каждой ошибкой в суждении, с каждым просчетом, с каждым случаем забвения, которые могли способствовать помешательству его сына. Я наблюдал, как он открывал себя самым мрачным возможностям, которые только может позволить отец. В определенных, эмоционально мучительных случаях я видел, как он подавлял свое горе, выходил из-за стола и возвращался к нему, отводил взгляд, а затем возвращал свое внимание к ужасающей правде своего отцовства. Я видел, как он противостоял жене, которая гораздо яснее, чем он, осознала этот кошмар и работала над тем, чтобы встретить кошмар лицом к лицу.

Это то, что я наблюдал. Я не могу говорить о том, что наблюдали другие. Я могу только заявить, что в этой книге не будет никаких попыток опровергнуть какое-либо обвинение, исправить какую-либо интерпретацию или объяснить какие-либо действия, связанные с самими преступлениями или любыми последующими за ними событиями.

Скорее, это история отца, история наследования, социального, эмоционального и, что самое страшное, возможно, даже генетического наследия, которое Лайонел Дамер завещал своему сыну. Как и любая другая подобная история, это история беспокойства и дурных предчувствий, неуверенности в себе и слабости. Возможно, больше всего на свете это изображение того родительского страха, который в той или иной степени разделяют все родители, ужасного чувства, что ваш ребенок ускользнул от вас, что ваша маленькая девочка или мальчик кружатся в пустоте, в водовороте – потерянные, потерянные, потерянные.

Томас Х. Кук

Благодарности

Имен друзей, знакомых и незнакомых людей, которые поддерживали нас с Шери в этот самый мрачный период нашей жизни, гораздо больше, чем людей, которые проявляли недоброжелательность по отношению к нам. Мы отчаянно нуждались в понимающих словах и молитвах.

Хотя я никогда не встречался с Патриком Кеннеди, мне говорили, что он обращался с Джеффом как с человеком во время долгих допросов сразу после ареста. Я выражаю свою благодарность ему и его партнеру в Детективном бюро Милуоки Деннису Мерфи – с ним я действительно встречался, и уважаю его за подобное поведение по отношению к Джеффу и мне.

Особое место в памяти Шери занимает капитан М. Гурич, патрульный отдел Департамента шерифа округа Медина, штат Огайо, и два его заместителя, которые пришли сообщить ей об аресте Джеффа. Она помнит, как капитан Гурич мягко рассказывал ей подробности, сидя на диване в нашем доме. Кроме того, я благодарю всех сотрудников шерифа за их своевременную помощь в защите моей жены от преследований со стороны прессы и средств массовой информации.

Во время выступления Джеффа в суде в Акроне, штат Огайо, в мае 1992 года, шериф Траутман, Джон Карабацос и все помощники шерифа проявили чрезвычайно любезное и гуманное отношение к Джеффу, Шери и мне.

Будучи давним жителем Бата, штат Огайо, и участвуя вместе со многими членами пожарно-спасательного отряда Бата в путешествиях по «индейской тропе», матчах по тиболу¹ и т. д., я давно узнал об эффективности и самоотверженности полицейского департамента Бата, а также об отзывчивой натуре шефа полиции Грейвиса. Степень профессионализма и чуткости, проявленные детективом лейтенантом Ричардом Манси из полиции Бата, занимавшийся различными аспектами расследования, были исключительными. Я уверен, что этого человека никогда не забудут.

Я также выражаю особую благодарность Кеннету Риссе из полицейского управления Вест-Эллис, штат Висконсин, за оперативную и экстраординарную реакцию на мои частые вызовы патрульных машин для контроля нападения на дом и собственность моей матери со стороны средств массовой информации. Его молодой патрульный, Жак Шевреман, защищал дом моей матери так рьяно, как будто это был его собственное семейное гнездо. Я выражаю благодарность нашим добрым и отзывчивым соседям, которые приносили маме еду и уют.

И Шери, и я были воодушевлены и обогатились в результате продолжающегося диалога с Терезой Смит, заботливой сестрой Эдди Смита. Мы оценили ее заботу и чуткость.

Я был бы небрежен, если бы не отметил Эда Гернона, сценариста из Лос-Анджелеса, за то, что он помог мне начать работу над книгой. Кроме того, я выражаю очень теплую и сердечную благодарность Нэнси Снайдер за ее постоянную поддержку в наши трудные времена.

С большой любовью, благодарностью и уважением я выражаю признательность адвокатам Роберту и Джойс Мозентер из Филадельфии, Ларри Вуйлемину из Акрона и Стиву Айзенбергу из Мэдисона, с Ларри Вуйлемином в качестве адвоката Джеффа и нашего адвоката по правовым вопросам, связанным с Акроном и Огайо, а также Стиву Айзенбергу, занимающемуся всеми юридическими вопросами в Висконсине. Мы хотим поблагодарить их за их огромный вклад в оказание помощи как Джеффу, так и нам во всех юридических вопросах после судебного процесса в Милуоки. С тех пор как эти люди пришли на борт, мы теперь чувствуем, что у нас сильная, заботливая, сплоченная команда.

¹ Командная игра для детей 4 – 6 лет, упрощенная форма бейсбола и софтбола.

Я буду вечно благодарен Дику и Тому Юнгкам из Нью-Берлина, штат Висконсин. Эти братья-близнецы, друзья всей жизни, были первыми, кто встретил меня, когда я прибыл в Милуоки 24 июля 1991 года, ошарашенный ужасной новостью. Они, а вместе с ними Сэнди и Карен, и их дома были убежищем, где мы с Шери могли собраться с мыслями и составить планы на протяжении всего этого долгого испытания. Независимо от того, давали ли они советы или оказывали обширную физическую помощь, они всегда были рядом со мной, Шери и моей матерью.

Томасу Х. Куку я глубоко признателен за его личную приверженность доведению этого сложнейшего проекта до конца.

Я в большом долгу перед моим агентом Джоэлом Готлером и сотрудниками его агентства «Ренессанс» в Лос-Анджелесе, штат Калифорния, за дельные советы и эффективную, быструю реакцию, особенно в трудные, неопределенные времена перед завершением этой книги. Джоэл продемонстрировал свою заботу о нас как о людях, продемонстрировав при этом свой профессионализм делового человека с отличными контактами.

С первой встречи с издательством Уильяма Морроу в Нью-Йорке я почувствовал, что старший редактор Пол Бресник и его сотрудники заинтересованы в истории, которая была бы написана с совершенно другой точки зрения. И тем сильнее я благодарен Полу за проявленную им гибкость и внимательность при решении некоторых начальных проблем и за то, что он стал горячим сторонником этой книги. Я очень благодарен Уильяму Морроу и Полу за то, что они дали мне возможность исследовать отношения, связывающие мое прошлое с прошлым Джеффа, пролить некоторый свет на то, как он развивался, и показать, что он не был, как настаивают некоторые, рожден монстром.

Доктору Роберту Киркхарту, клиническому психологу из Кайахога-Фолс, штат Огайо, я выражаю свою глубочайшую благодарность за то, что он помог нам с Шери преодолеть нашу боль и горе во время испытаний последних двух лет. Он действительно образец мудрости, заботы и терпения.

Очень дорогому родственнику, который решил остаться неизвестным: я всегда буду помнить понимание и огромную помощь, которые вы мне оказали, вы, кто любит так, как любила моя мать.

Наконец, я оставляю до последнего двух очень важных людей в моей жизни. Одна из них, которая очень даже жива, но чье здоровье навсегда пострадало в результате этого испытания, моя жена Шери. Эта книга не могла бы быть написана без огромной помощи Шери. Именно ее память, ее проницательность и ее чувствительность сделали это возможным. Она – воплощение чрезвычайно заботливой помощницы, которая отдаст все, чтобы защитить себя. Другой человек – моя мать, которая всего несколько месяцев назад стала жертвой разрушительных последствий этого испытания. Кэтрин Дамер, невольная жертва, любила Джеффа и меня безоговорочно. Степень любви и качество семейного опыта, которыми она и мой преданный отец Герберт Дамер поделились со мной, могли бы стать стандартом для родителей во всем мире. Причина, по которой я пишу о Шери и Кэтрин вместе, заключается в том, что у них сложилась особая связь, особенно сильная в последние годы. Слезы текут из глаз Шери при воспоминании о том, на что Кэтрин готова была сделать для Джеффа, о любви, которую она испытывала к нему, о том факте, что она буквально отдала бы свою жизнь за Джеффа или меня. Это две очень дорогие мне женщины.

*Лайонел Х. Дамер
Акрон, Огайо*

*В глубинах ужаса ручьем бежит
Та нить, что сына и отца соединит*

Уильям Вордсворт

Часть I

Блудный сын, который не вернулся

Если бы полиция сказала мне, что мой сын мертв, я бы думал о нем по-другому. Если бы они сказали мне, что незнакомый мужчина заманил его в убогую квартиру, накачал наркотиками, задушил, изнасиловал и изуродовал его мертвое тело – другими словами, если бы они рассказали мне все то, что им пришлось рассказать многим другим отцам и матерям тогда, в июле 1991 года, я бы сделал то, что сделали они. Я бы оплакивал своего сына, я бы потребовал, чтобы человек, убивший его, получил по заслугам – казнен или гнил бы в тюрьме до конца его жалкой жизни. И после этого я бы постарался думать о своем сыне с теплотой. Я бы, надеюсь, время от времени навещал его могилу, говорил бы о нем с чувством утраты и любви, продолжал бы, насколько это возможно, хранить его память.

Но мне не сказали того, что сказали этим другим матерям и отцам – что их сыновья погибли от рук убийцы. Вместо этого мне сказали, что мой сын был тем, кто убил их сыновей.

Итак, мой сын был все еще жив. Я не мог похоронить его.

Я не мог вспоминать его с теплотой. Он не был фигурой прошлого. Он все еще был со мной, как и сейчас.

Сначала, конечно, я не мог поверить, что это Джефф действительно виновен в том, в чем его обвинила полиция. Как вообще кто-то мог поверить, что его сын способен на такое? Я действительно был в тех местах, где, по их словам, он это делал. Я бывал в комнатах и подвалах, которые в другие моменты, по версии полиции, служили Джеффу бойней. Я заглянул в холодильник моего сына – там не было ничего зловещего, просто куча пакетов молока и банок из-под газировки. Я небрежно облокотился на черный стол – копы предполагали, что мой сын использовал как разделочный стол, и как причудливый сатанинский алтарь. Как это было возможно, что все это было скрыто от меня – не только ужасные физические доказательства преступлений моего сына, но и темная природа человека, который их совершил, этого ребенка, которого я держал на руках тысячу раз, и чье лицо – на фото, которое я мельком увидел его в газете – похоже на мои?

Улик становилось все больше, они становились все более чудовищными и моя уверенность в том, что полиция ошибается насчет Джеффа понемногу давала трещину. Мне оставалось только одно – приняв мысль, что убийства действительно совершались рукой моего сына, продолжать верить, что он не мог сотворить такое самостоятельно, что он стал слепым орудием кого-то другого, кого-то более злобного, чем мой сын, кого-то, кто воспользовался одиночеством и изоляцией Джеффа, и превратил его в раба. Я вызвал в воображении образ этого «другого» – вероятно, такие же сатанинские, как те, что проникли в воображение Джеффа. «Другой» был злым гением и манипулятором, дьявольским Свенгали², который заманил моего сына в круг своей власти, а затем превратил его в безвольного демона. Когда я позволил себе представить такого человека, воздух вокруг меня, казалось, наполнился мечущимися, визжащими летучими мышами, и я принял, хотя и ненадолго, мир, который был таким же отвратительным и злобным, как и то, что натворил мой сын.

Но я все же склонен к рациональному мышлению. Как бы мне ни хотелось поверить в реальность этого демонического «другого», мне пришлось признать, что это был не более чем фантом, который я создал, чтобы снять со своего сына хоть часть вины.

² Свенгали – персонаж романа английского писателя Джорджа Дюморье «Трильби» (1894 г.) и его многочисленных экранизаций. Гениальный музыкант Свенгали – уродливый и подлый – обладает способностями к гипнозу и черной магии.

Итак, моя первая конфронтация была с самим собой, с тем фактом, что я рациональный человек. Я имею дело с реальными вещами, а не с воображаемыми. Доказательства есть доказательства, и они должны быть признаны таковыми. Не было никаких доказательств того, что кто-то когда-либо заставлял Джеффа кого-либо убивать. Не было никаких доказательств того, что кто-то когда-либо помогал ему убивать. Не было даже никаких доказательств того, что кто-то знал, что Джефф убивает. Его соседи чувствовали отвратительный запах, исходящий из его квартиры, но никто из них никогда не заходил внутрь. Они наблюдали, как Джефф входил и выходил из своей квартиры, всегда быстро закрывая дверь, чтобы никто не мог заглянуть внутрь, но ни у кого из них никогда не закрадывалось и тени подозрения об ужасах, которые скрывались за этой закрытой дверью.

Все что творил Джефф он всегда творил в одиночестве, всегда тайно. Никто не был виноват во всех этих смертях, кроме него. Места для сомнений не оставалось, и я должен был принять этот факт. Джефф сделал все это. Он один был виноват.

Так вот что на самом деле сказала мне полиция в июле 1991 года. Не то чтобы мой сын был мертв... но что-то внутри, то, что должно было заставить его задуматься о страданиях, которые он причинял, отвратить его от причинения зла – это что-то, хотя бы в минимальной степени присущее большинству людей в моем сыне было мертво.

Да, время от времени все люди бывают эгоистичны. Все люди какой-то степени тщеславен и эгоцентричен. Но у большинства все же есть черта, которую нам не переступить. Мы можем причинять боль другим людям, но нормальный человек не зайдет далеко. Возможно, это «что-то» представляет собой не более чем химический след или конфигурацию клеток мозга. Мы называем это «совестью», «быть человеком» или «иметь сердце». Религиозные люди могут думать, что это исходит от Бога. Социологи могут подумать, что это происходит от морального воспитания. Я не знаю. Я могу только повторить: мне становилось очевидно, что в Джеффе эта группа клеток мозга, эта «совесть», этот Бог, эта мораль либо умерла, либо вообще никогда не рождалась.

Вначале это было моим самым глубоким признанием, что в Джеффе чего-то не хватает, той части, которая должна была кричать: «Остановись!»

Глава 1

Маленький мальчик

Мой сын Джефф родился в Милуоки 21 мая 1960 года. Беременность протекала тяжело. Мы зачали сына быстро, всего через два месяца после свадьбы, и ни один из нас, я полагаю, не был по-настоящему готов к этому. В течение первых двадцати недель беременности Джойс, моя жена, страдала от утренней тошноты. Со временем состояние неуклонно ухудшалось, переходя в более или менее постоянную тошноту, настолько сильную, что ей было трудно усваивать пищу. Постоянная рвота повлияла на ее трудоспособность, и в конце концов она сочла необходимым уволиться с работы инструктора по телетайпу.

После этого Джойс осталась дома, справляясь, как могла, не только с тошнотой, но и с другими недугами, как физическими, так и эмоциональными.

Шли недели, и Джойс все больше нервничала. Казалось, ее беспокоило все, но особенно шум и запахи готовки, которые исходили от соседей снизу (мы тогда жили в маленьком многоквартирном доме на две семьи). Ее бесил малейший шум, даже обычные запахи казались ей невыносимыми. Она постоянно требовала, чтобы я что-то сделал, она хотела, чтобы я жаловался на каждый шум, на каждый запах. Легче сказать чем сделать... Я вообще неконфликтный человек, а тут жаловаться было особо не на что – на самом деле, соседи вели себя вполне нормально. Ни одна из проблем, на которые постоянно жаловалась Джойс, не казалась мне очень серьезной.

Но Джойс в то время соседей просто возненавидела, и чем дальше, тем больше ее раздражало мое нежелание «призвать их к порядку». Мы начали ссориться. Однажды, чтобы избежать возникшего напряжения, Джойс вышла из дома и отправилась в ближайший парк. Была зима. Она сидела на засыпанной снегом скамейке, завернувшись в пальто, совсем одна, пока я не пришел за ней и не повел обратно. Я помню, как она дрожала под моей рукой, когда я вел ее домой. На ее лице была настоящая печаль, но, похоже, я мало что мог сделать, чтобы облегчить ее. Я чувствовал себя беспомощным. Она спрашивала меня, люблю ли я ее, и я всегда успокаивал ее, хотя похоже она не верила до конца.

Когда я думаю об этих моментах сейчас, я думаю о потребности моей жены в любви и моей неспособности показать это так, чтобы это имело для нее значение. Я проявлял любовь, работая, прилагая усилия, заботясь о каждой ее материальной потребности, двигаясь к будущему, которое я ожидал разделить с ней. Конечно, женщина нуждалась не только в удовлетворении материальных потребностей, но это было все, что я мог дать. Ох уж это мое рациональное мышление... Я видел себя ответственным мужем, добытчиком самого необходимого – еды, одежды, крова, – таким как мой отец, мой образец того, каким должен быть муж.

Тот факт, что Джойс было трудно принять меня таким, каким я был, продолжал отравлять наш брак в ближайшие месяцы. Это была проблема, которую наши условия жизни только усугубили, и в конце концов стало ясно, что эти условия, по крайней мере, должны быть изменены. Запах стряпни нашего соседей казался Джойс прогорклым; звон их кастрюль и сковородок – невыносимо неприятным. И то, и другое мешало ей спать и так действовало на нервы, что у нее начались неконтролируемые мышечные спазмы, которые огорчали ее еще больше.

И вот, примерно за два месяца до рождения Джеффа, в марте 1960 года, мы переехали в дом моих родителей в Вест-Эллисе, штат Висконсин.

Но этот шаг очень мало облегчил состояние Джойс. Она продолжала страдать от продолжительных приступов тошноты, но вдобавок у нее развилась ригидность³, которую ни один из

³ Ригидность – отсутствие реакции на стимулы или сопротивление им, например, вследствие резкого повышения тонуса анатомических структур. Примером может быть также ригидный ритм сердца, не реагирующий на фазы дыхания, нагрузки

осматривавших ее врачей так и не смог точно диагностировать. Временами ее ноги намертво застревали на месте, а все ее тело напрягалось и начинало дрожать. Ее челюсть дергалась вправо и приобретала такую же пугающую жесткость. Во время этих странных припадков ее глаза выпучивались, как у испуганного животного, и у нее начинала выделяться слюна, буквально с пеной у рта.

Каждый раз, когда у Джойс случался один из таких припадков, мы с родителями по очереди прогуливались с ней по столовой, пытаясь снять скованность. Мы медленно обходили обеденный стол, Джойс едва могла ходить, но делала все возможное, пока я поддерживал ее. Однако эта процедура очень редко срабатывала. Из-за этого обычно приходилось вмешиваться врачу, делая Джойс инъекции барбитуратов и морфия, которые в конце концов успокаивали ее.

Врач Джойс не смог найти никакой медицинской причины для этих внезапных приступов. Он предположил, что они коренятся в психическом, а не в физическом состоянии Джойс. Он сказал, что они, вероятно, были связаны с тем, что она была беременна своим первым ребенком. Тем не менее, что-то нужно было делать, и поэтому он добавил фенobarбитал⁴ к списку лекарств, которые уже были прописаны. Пользы он не принес, а эмоциональное состояние Джойс только ухудшилось. Она становилась все более напряженной и раздражительной. Она быстро обижалась и часто, казалось, злилась как на окружающих, так и на в целом суровый характер своей беременности.

В течение этого периода я делал все, что мог для комфорта Джойс, но в то же время, как я теперь понимаю, я также довольно часто оставлял ее наедине с моими родителями. Я учился в Университете Маркетт, готовился к получению степени магистра аналитической химии и подрабатывал аспирантом-ассистентом. В результате меня большую часть дня не было дома, особенно в последние два месяца беременности. Я уходил в семь утра и часто возвращался только в семь или восемь вечера. В течение этих долгих часов Джойс была вынуждена оставаться более или менее прикованной к дому с моей матерью. У нее даже не было водительских прав. Дни тянулись тяжело и если Джойс иногда срывалась, разве можно было ее осуждать? Но меня ее поведение сбивало с толку. Ну что такого было в шуме и запахах, из-за которого мы съехали с предыдущей квартиры? Обстановка в доме моих родителей была сносной – почему она все время была так расстроена? Что тут такого ужасного?

Со временем я пришел к выводу, что нечего было и пытаться понять женщину. Эмоциональный настрой Джойс полностью отличался от моего. Он был отмечен пиками и долинами, взлетами и падениями. Мой же, как я понял, когда разобрался в себе, всегда был и до сих пор остается широкой плоской равниной.

Чтобы справиться с ухудшением своего физического и эмоционального состояния, Джойс продолжала принимать различные препараты, порой по двадцать шесть таблеток в день. Без сомнения, это помогло облегчить физическую боль, но для ее эмоционального состояния – чувства беспомощности и изоляции, которые переполняли ее, – облегчением и не пахло. Она становилась раздражительной, и все более и более отчуждалась – и от меня, и от моих родителей. Я чувствовал себя беспомощным, не в силах что-либо с этим поделать. Я никогда не умел читать эмоции. Так что я барахтался, делая все, что мог – по большей части безрезультатно. Джойс эти неуклюжие попытки утешить только бесили, реакция, которая иногда ставила меня в тупик, поскольку такой гнев сильно отличался от моего собственного подхода к вещам – общей пассивности, с которой я чаще реагировал на взлеты и падения жизни.

В любом случае, мы так и не смогли по-настоящему примириться с конфликтами того первого года. Из-за этого я думаю, что этот первый неприятный опыт заложил основу для

и пр.

⁴ Фенobarбитал – противоэпилептическое лекарственное средство из группы барбитуратов. Имеет многочисленные негативные побочные эффекты, в том числе, при приеме беременными женщинами. Ныне считается устаревшим.

более длительного и еще более беспокойного брака. В каком-то смысле наши отношения так и не оправились от ущерба, нанесенного им на этой ранней стадии, так и не улучшились по настоящему.

Затем, в конце этого долгого испытания, родился мой сын.

Я был в Маркетте, когда он явился на свет. Было около четырех сорока пяти пополудни, я работал в кабинете аспиранта-ассистента, когда зазвонил телефон. Звонила мама, сообщив, что мой отец уже отвез Джойс в больницу Диконисс, всего в нескольких кварталах от Маркетта.

Я немедленно поехал в больницу. Джефф уже появился на свет. Я пошел прямо в комнату Джойс и нашел ее в постели, выглядевшей, конечно, измученной, но в то же время вполне счастливой впервые за много недель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.